

УДК 340.130

О ГНОСЕОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИЙ НОРМА ПРАВА И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРЕДПИСАНИЕ

Р.Г. Валиев

Аннотация

В контексте существующей ситуации с неопределённостью содержания некоторых понятий в правовой сфере актуализируется проблема адекватности гносеологических форм восприятия категории *норма права* её реальному содержанию. Рассматриваются гносеологическая природа и логическая определённость категории *нормативно-правовое предписание*. В порядке решения вопроса о соотношении нормы права и нормативно-правового предписания последнее предлагается рассматривать в качестве формы выражения многогранного содержания норм права.

Ключевые слова: нормативность, норма права, нормативно-правовое предписание, система права, система законодательства.

В современных условиях развития интеграционных процессов в правовой сфере особое значение приобретает необходимость разработки проблем, имеющих унификационное значение для их характеристики не только на уровне национальных правовых систем, но и межотраслевом и межсистемном уровнях. Такая задача в полной мере относится и к изучению норм права. Значение нормы права как проблемы теоретической и практической юриспруденции сложно недооценить или переоценить. Нормы права выступают институциональной основой процесса юридической формализации права как социального регулятора. С этой точки зрения нормы права могут рассматриваться в качестве матрицы процессов правовой институционализации¹, в рамках которых так или иначе происходит опредмечивание и распредмечивание социальной сущности права. Если на гносеологическом макроуровне средством внешнего выражения права является категория *форма права*, то на микроуровне таким средством познания выступает *норма права*, которую можно рассматривать как микроформу права. В контексте общепринятой парадигмы данным уровням формы и микроформы права корреспондируют соответствующие системно-структурные уровни содержания права, то есть отрасли, институты и структурные элементы норм права. Однако многогранные проявления сущности и содержания права закономерно обуславливают полисемантическую и многообразие исследовательских трактовок не только права, но и понятия *норма права*, что создаёт некоторые трудности в вопросе определения её теоретической идентичности. Указанное

¹ О понятии правовой институционализации см. [1].

обстоятельство определяет актуализацию проблемы идентичности гносеологических форм восприятия нормы права её реальному содержанию.

В учении о нормах права, как известно, широкое распространение получил поведенческий аспект, в рамках которого норма права традиционно рассматривается в качестве правила поведения общеобязательного характера (А.С. Пиголкин, А.Б. Венгеров, В.В. Лазарев, М.Н. Марченко и др.). Тем не менее трактовка нормы права как установленного или санкционированного государством общеобязательного, формально-определённого правила или масштаба поведения не отражает всего многообразия содержания её понятия. Поэтому наряду с ней в учении о нормах права нашли своё выражение и иные проявления содержания понятия *норма права*. Так, например, выделяют, как минимум, две разновидности общеобязательных, нормативно обусловленных правовых предписаний: правила поведения и исходные (отправные, учредительные) нормы (см. [2, с. 359]). По мнению А.В. Погодина, «с точки зрения регулятивного потенциала есть нормы-цели, нормы-дефиниции, нормы-принципы, нормы-правила поведения и другие» [3, с. 22]. К ним также относят нормы-презумпции, нормы-исключения, нормы-примечания, а также элементы правового статуса их адресатов, декларативные и учредительные положения и т. п. За основу идентичности содержания понятия *норма права* принимаются такие сущностные категории – критерии её идентификации, как мера, установление, стандарт, образец, модель и т. п. Например, по мнению В.В. Лазарева, «норма права – признаваемое и обеспечиваемое государством общеобязательное правило, из которого вытекают права и обязанности участников общественных отношений, чьи действия призвано регулировать данное правило в качестве образца, эталона, масштаба поведения» (см. [4, с. 128]). Согласно аналитическому обзору В.Н. Карташова, посвящённому многообразию проявлений содержания норм права, одни авторы (А.В. Мицкевич) называют их «нормами всеобщего содержания»; другие (В.К. Бабаев, М.И. Байтин) – «исходными (отправными, первичными, учредительными) нормами»; третьи (И.Н. Грязин) – «суждениями нарративного типа»; четвёртые (А.В. Поляков) – «когнитивными правилами законодательства»; пятые (В.М. Горшенев) – «нетипичными нормативными предписаниями» и т. д. (см. [5, с. 83]). Таким образом, практическое многообразие и разнородность проявлений норм права обусловили проблемную ситуацию в гносеологическом статусе не только нормы права, но и иных смежных с нормой права категорий, среди которых наибольшую актуальность в качестве альтернативы сохраняет категория *нормативно-правовое предписание*.

Выявление идентичности содержания понятий *норма права* и *нормативно-правовое предписание* имеет теоретическое значение для развития учения о нормах права. Решение данной задачи имеет важное практическое значение в вопросе адекватного толкования и реализации всего нормативно-правового массива. Обозначенная проблема обусловила цель настоящего исследования – развитие учения о норме права и нормативно-правовом предписании в порядке выработки оптимальных по объёму содержания и адекватных по сути дефиниций. Данной цели подчинён анализ учения о нормах права и нормативно-правовых предписаниях, отдельные положения которого требуют своего критического переосмысления и уточнения.

В учении о нормах права существует множество подходов, в рамках которых имеется ряд как устаревших и требующих своего уточнения положений, так и отдельных новаций, не получивших своего полноценного отражения. В этом контексте познание сущности и содержания нормы права является исходным условием для изучения всех других аспектов её исследования, включая гносеологическую природу категории *нормативно-правовое предписание*. Однако здесь следует руководствоваться следующими предварительными замечаниями.

1. Научные трактовки нормы права или нормативно-правового предписания не могут быть «истиной в последней инстанции». Они в той же мере относительны, в какой относительно их многоаспектное восприятие и представление исследователем. Вместе с тем всё многообразие их доктринальных трактовок имеет гносеологическое значение и в конечном счёте позволяет получить целостное восприятие изучаемого явления – нормативного содержания права.

2. При исследовании и выявлении идентичности гносеологического статуса нормы права и нормативно-правового предписания реальному нормативному содержанию права представляется важным исходить из того, что есть правовая реальность, реальные объекты правовой действительности, а есть теоретические категории и понятия, отражающие сущность и содержание этих объектов. Норма права как категория юридической доктрины, на наш взгляд, олицетворяет собой микроформу абстрактного отражения реального объекта – объективно существующего права. Последнее, как известно, в реальности представлено законами и подзаконными нормативно-правовыми актами, а также нормативно-правовыми договорами и другими формами его бытия, объединяющими собой разделы, главы, параграфы, статьи, части, пункты. Именно они служат предметом научного познания, и на их основе формируется доктринальное содержание понятия *норма права*, которое представляет собой результат научного познания.

Здесь нельзя не привести методологически значимый тезис М.Л. Давыдовой о том, что «модель представляет собой аналог объекта, её изучение даёт знание о самом объекте» [6, с. 156]. Это справедливо по отношению к нормам права, так как норма права – научная категория, выражающая теоретическую модель содержания объекта, то есть объективно существующего права. Это утверждение справедливо и по отношению к праву в целом, так как в теории модель права как социального регулятора существует на нормативном уровне. Поэтому при выявлении содержания и дефинитивном определении понятия *норма права* или *нормативно-правовое предписание* плодотворным методом познания является моделирование.

Изучая нормы права, следует иметь в виду, что это идеальная модель, призванная на микроуровне отражать собой сущность и содержание объективно существующего права как социального регулятора. В литературе справедливо отмечается, что «норма права является образцом (моделью) типового общественного отношения» [7, с. 225], выражает собой «некую юридическую модель регулируемых общественных отношений» [8, с. 134].

3. В вопросе определения идентичности содержания понятия *норма права* важное методологическое значение имеет тип правопонимания. Во многом он зависит от целей, которые преследуются субъектами его познания. В различные эпохи истории общественного развития тип правопонимания менялся.

В зависимости от предпочтений исследователей ему придавались различные конфигурации сущности и содержания. Так, содержанием естественного права являются прирождённые, естественные права человека. Содержанием права в контексте психологического правопонимания выступают психические процессы (эмоции, стрессы, психические переживания людей и т. п.). Содержанием легистско-позитивистского правопонимания являются законы и иные нормативно-правовые акты государства. При всём многообразии подходов к пониманию права в общей теории права не утрачивает своего методологического значения нормативное понимание права как в узком, легистско-позитивистском, так и в широком смысле, в контексте его интегративного единства с позитивистским и философским аспектами². Оно воспроизводит в себе рациональные проявления различных типов правопонимания. Такое понимание права, как представляется, методологически актуально для исследования содержания понятия и классификационной характеристики норм права. Наконец, в какой бы теоретической плоскости право ни рассматривалось, оно в различных своих проявлениях опредмечивается в нормах, в них находят своё выражение его многогранная социальная сущность и структурированное содержание.

Нормативность права предполагает в качестве одного из методологических оснований изучения норм права использование герменевтического подхода. Последний позволяет изучать содержание норм права на уровне текстов юридических документов и формулировать их общеправовой и общетеоретический смысл. Текстуальный анализ отдельных нормативно-правовых актов свидетельствует о том, что содержание норм права значительно богаче их буквального восприятия как правил поведения и не ограничивается ими. Само законодательство даёт повод усомниться в совершенстве и безупречности понимания нормы права как правила поведения. В системе российского права, как известно, имеются нормы права, структурные элементы которых не содержат правил поведения. Рассмотрим, например, ст. 1 Конституции Российской Федерации и обнаружим подтверждение сказанному. Содержательный смысл данной нормы права лишён указания на поведение её адресатов. Или другой пример: ст. 420 Гражданского кодекса Российской Федерации содержит дефиницию понятия *гражданский правовой договор*, а ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации – указание на общее условие уголовной ответственности. Таким образом, приведённые примеры свидетельствуют о том, что не все нормы права имеют своим содержанием правило поведения их адресатов. И подобных норм права немало, что, безусловно, не позволяет согласиться с самодостаточностью трактовки нормы права как правила поведения.

Ограниченность трактовки нормы права как правила поведения в силу её неспособности охватить всё многообразие проявлений содержания норм права нашла выражение в попытках дискретного восприятия и преодоления полисемантичности норм права посредством иных конструкций. Очевидно, именно поэтому уже с конца 60-х годов XX в. акцент в учении о понятии *норма права* сместился на категорию *нормативно-правовое предписание* (см. [10–11]).

² В последнее время в рамках концепции ситуационного права к нормам права наряду с правилами общего характера относят и индивидуальные правила (см. [9]).

Нет сомнения в том, что актуализация категории *нормативно-правовое предписание* значительно развивает учение о понятии *норма права*. Однако она воспроизводит проблему соотношения данных категорий. В общей теории права достаточно распространённым является подход, в соответствии с которым вопрос о соотношении нормы права и нормативно-правового предписания решается в порядке деления всех норм права на исходные (нормы-начала, нормы-принципы, нормы-дефиниции) и нормы-правила поведения (см., например, [12, с. 87; 13, с. 261–262]).

Исходя из логического посыла о том, что не все положения нормативного правового акта состоят из правил поведения, ряд авторов (В.М. Горшенев, Н.Н. Вопленко, В.Н. Карташов, П.Б. Евграфов) выводит суждение о самостоятельном статусе³ или более широком объёме нормативно-правового предписания⁴, чем нормы права. На этой основе норму права рассматривают как разновидность нормативно-правового предписания (см. [6, с. 177]). В контексте такого соотношения нормы права и нормативно-правового предписания возникает вопрос о том, что же первично: норма права или нормативно-правовое предписание? И это при том, что гносеологическая природа категории *нормативно-правовое предписание* обусловлена теорией нормы права, а её этимология явно свидетельствует о производности от термина *норма права*, то есть вторичности по отношению к норме права.

В соответствии с другим подходом *норма права* и *нормативно-правовое предписание* рассматриваются в качестве элементов разнопорядковых категорий: норма права является начальным элементом системы права, а нормативно-правовое предписание представляет собой начальный элемент системы законодательства (см. [16, с. 55]). Что касается соотношения нормы права и системы права, то данный вопрос каких-либо возражений не вызывает. В сложившейся научной парадигме *система права* и *норма права* – категории одного и того же порядка, то есть содержания понятия *право* в нормативном аспекте правопонимания. Норма права – это элемент системы права. Соотношение же нормативно-правового предписания и системы законодательства, в рамках которого нормативно-правовое предписание представляет собой начальный элемент системы законодательства, на наш взгляд, представляется методологически противоречивым. Во-первых, *нормативно-правовое предписание* – это научная категория. Законодательство олицетворяет собой объективно существующую реальность в виде системы законов и иных формально определённых способов существования объективного права. Если система права – это интегративная категория, призванная выражать внутреннюю упорядоченность содержания права, его организованное строение, то норма права по отношению к системе права выступает в качестве элементарной абстрактной категории, непосредственным объектом отражения которой выступает начальный элемент системы законодательства, то есть статья закона. Что касается нормативно-правового

³ Так, Н.Н. Вопленко наряду с нормами права «выделяет весьма разнообразные виды “общих нормативных предписаний”, находящих своё выражение не только в нормах права, но и в декларациях, принципах, “юридических определениях”» (цит. по [14, с. 567]).

⁴ Такому аспекту категории *нормативно-правовое предписание* посвящено специальное комплексное теоретическое исследование М.Л. Давыдовой (см. [15]).

предписания как научной категории, то оно в той же мере, как и норма права, является идеальной конструкцией по отношению к объективно существующей системе законодательства, абстрактным аналогом статьи закона и/или иных элементов законодательства.

Соответственно, если нормативно-правовое предписание называть основным элементом системы законодательства, а норме права отводить роль начального элемента системы права, то налицо подмена понятий, так как основным элементом системы законодательства выступают статья и её отдельные элементы. Подменить собой статью закона или иные элементы законодательства категория *нормативно-правовое предписание* не может, но выразить многогранные проявления этих элементов законодательства на уровне нормы права способна.

Во-вторых, если допустить, что законодательство состоит из нормативно-правовых актов, включающих в себя в том числе и нормы-правила поведения, то отказывать нормам права в статусе начального элемента законодательства по меньшей мере некорректно.

Принимая во внимание всё сказанное, нельзя не оговориться по поводу соотношения системы права и системы законодательства. Право, наряду с нормами права, изданными или санкционированные государственными органами, состоит также из норм права, не имеющих государственной природы (корпоративных норм или норм профессионального сообщества). С этой точки зрения система права представляется более широкой категорией, чем система законодательства.

С учётом изложенного вряд ли будет правильным рассматривать норму права в качестве элемента или разновидности нормативно-правового предписания. Скорее наоборот, коль скоро нормативно-правовое предписание есть идеальная юридическая конструкция, природа которой гносеологически обусловлена нормой права, то нормы права имеют в качестве своих разновидностей нормы-правила поведения и нормативно-правовые предписание.

На наш взгляд, можно согласиться с тем, что нормативно-правовое предписание – это минимальная смысловая часть текста нормативно-правового акта, представляющая собой элементарное властное веление общего характера, обладающее формальной определённой, целостностью и логической завершённостью [6, с. 173], но лишь как абстрактной конструкции и в контексте отдельного структурного элемента нормы права – гипотезы, скажем, или диспозиции. В таком аспекте нормативно-правовое предписание может рассматриваться в качестве формы отдельного структурного элемента нормы права, например диспозиции, которая предписывает что-либо (правила поведения, правила-дефиниции, правила учредительного, декларативного характера и т. п.)⁵. В этом смысле нормативно-правовое предписание может служить формой выражения не только разнородного нормативного содержания, но и многогранной сущности права как меры равенства и неравенства, свободы, справедливости и несправедливости, масштаба поведения, произвола и насилия, привилегий и т. п.

Представляется плодотворным рассматривать нормативно-правовое предписание в качестве формы выражения многогранного содержания норм права,

⁵ С этой точки зрения представляется верной позиция В.М. Сырых, который предлагает выделять нормативно-правовые предписания-гипотезы, нормативно-правовые предписания-диспозиции, нормативно-правовые предписания-санкции (см. [17, с. 112]).

многообразии проявлений которых предопределяет их классификационную дифференциацию на теоретическом уровне. Именно в таком аспекте, на наш взгляд, нормативно-правовое предписание и способно реализовать своё гносеологическое назначение.

Что касается идентичности содержания понятия *норма права*, то рассматриваемая проблема может решаться в контексте нормативности права, исходя из того, что норма права представляет собой не правило поведения, а правило вообще, правило общего характера, выраженное в виде властного предписания, определяющего социально значимую модель возможного и должного в регулировании общественных отношений, а также правовой статус их участников в целях упорядоченного развития общества и государства. В этом смысле норма права как гносеологическое средство и результат научного познания институциональных основ правовой реальности есть интегрированная форма текстуального выражения содержания статей закона и иных нормативно-правовых актов, многообразии проявлений которых выражается посредством категории *нормативно-правовое предписание*.

Summary

R.G. Valiev. On the Epistemological Status of the Categories of Norm of Law and Regulatory Prescription.

The problem of adequacy of epistemological forms of perception of the category of *norm of law* to its actual content is urgent in the context of the current situation with the uncertain content of some legal phenomena. The epistemological nature and logical certainty of the category of *regulatory prescription* are considered. In order to reveal correlation between the categories of norm of law and regulatory prescription, it is suggested that the latter should be treated as an expression of the comprehensive content of norms of law. The norm of law, as an epistemological tool and the result of scientific knowledge within the legal institutional framework, is an integrated form of textual expression of the content of articles of laws and other normative legal acts. The norm of law is not a rule of conduct, thereby being rather the rule in general, i.e., having the universal nature, which is expressed as an authoritative order. It defines the socially meaningful model of prospects and dues in the regulation of social relations, as well as the legal status of their participants for the purpose of smooth development of the society and state.

Keywords: normativity, norm of law, regulatory prescription, system of law, legislative system.

Литература

1. *Валиев Р.Г.* О значении концепта «правовая институционализация» // Юридическая наука и практика: история и современность: Сб. материалов I Межд. науч.-практ. конф. / отв. ред. И.В. Пантюхина. – Рязань: Концепция, 2013. – Вып. I. – С. 21–24.
2. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.
3. *Погодин А.В.* Конкретные правовые отношения и правореализация // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – Т. 151, кн. 4. – С. 18–25.
4. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 2001. – 520 с.
5. *Карташов В.Н.* Нестандартные нормативно-правовые предписания в российском праве // Образование и общество. – 2007. – № 4. – С. 83–87.

6. *Давыдова М.Л.* Юридическая техника: проблемы теории и методологии. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
7. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права / Под ред. проф. В.Г. Стрекозова. – М.: Интерстиль: Омега-Л, 2008. – 384 с.
8. *Тарханов И.А.* Юридическая квалификация: понятие и место в правоприменительном процессе // Рос. юрид. журн. – 2012. – № 3. – С. 130–140.
9. *Погодин А.В.* Ситуационный праворегулирующий комплекс: постановка проблемы // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2008. – Т. 150, кн. 5. – С. 45–50.
10. *Вопленко Н.Н., Пиголкин А.С.* Основные виды правовых предписаний в советском законодательстве // Проблемы совершенствования советского законодательства. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1979. – Вып. 16. – С. 11–20.
11. *Горшенев В.М.* Нетипичные нормативные предписания в праве // Сов. государство и право. – 1978. – № 3. – С. 113–118.
12. *Алексеев С.С.* Социальная ценность права в советском обществе. – М.: Юрид. лит., 1971. – 223 с.
13. Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
14. *Марченко М.Н.* Проблемы общей теории государства и права: в 2 т. – М.: Велби: Проспект, 2008. – Т. 2. – 656 с.
15. *Давыдова М.Л.* Нормативно-правовые предписания в российском законодательстве: Дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2001. – 239 с.
16. *Давыдова М.Л.* Правовая норма и нормативно-правовое предписание: проблема соотношения // Вестн. Волгogr. гос. ун-та. Сер. 5: Юриспруденция. – 2006. – № 3. – С. 52–57.
17. *Сырых В.М.* Теория государства и права. – М.: Былина, 1998. – 512 с.

Поступила в редакцию
26.06.15

Валиев Рафаиль Газизуллович – кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: raf.val.111@yandex.ru